

А. ИСТОМИН

НАКАЛЮНЕ!

12+

Андрей Истомин

Накануне

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Истомин А.

Накануне / А. Истомин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99019-7

Сборник рассказов о происшествиях на границе накануне важных событий в истории страны. Сложная и опасная служба в пока ещё "тихие" времена. Жизнь где всегда найдётся место для подвига.

ISBN 978-5-532-99019-7

© Истомин А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Злость	5
Шумовой заслон	18
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Истомин

Накануне

Злость

Под ногами чавкала глинистая жижа. С неба, нет, не с неба, а прямо из воздуха возникали капли дождя. Жуткая влажность на глазах превращала туман в дождь. Если присмотреться внимательно к этому явлению, то было видно – капли настолько мелкие, что не падают сверху вниз отвесно, а, извиваясь и виляя, опускаются. Некоторые из них, подхваченные любым движением воздуха, способны даже взлетать вверх, вместо того, чтобы падать вниз.

Два связиста шлёпали по этой грязи, нагруженные проволокой и инструментами. Впереди шёл с заплечным мешком, в не очень-то помогающей в такую погоду плащ-палатке, Каменев Георгий, отделённый командир роты связи погранотряда. Его направили сюда протянуть линию связи вдоль флангов заставы, которая должна была связать вместе вышки, некоторые стационарные посты и даже секреты с заставой, и позволить им оперативно передавать информацию. Собственно, дело было не таким уж и сложным – протянуть несколько километров «воздушки» (линия связи, проложенная по столбам, деревьям и тому подобным предметам). И если бы это было хотя бы пару месяцев назад, в разгул приморской зимы, когда пронизывающие ветра, кажется, дули не по тебе, а сквозь тебя, слегка задерживаясь в рёбрах. Но нет, провод доставили весной, когда слякоть и постоянные туманы переходили в мелкие дожди типа идущего сейчас. В такое время за пару часов на улице ты промокал насквозь, даже если был в непромокаемом плаще.

Но служба – дело такое. Сказали «надо» – значит, «надо». Из инструментов – ножи, кусачки, молоток, ножовка и когти, чтобы лазить по столбам и деревьям. Даже гвоздей дали совсем чуть-чуть. Страна ещё только начала восстанавливаться после глобальной разрухи, и в удалённых уголках, как этот, всё ещё только-только начиналось, и всё было в дефиците.

На этот раз в дефиците оказались даже люди. Георгию выделили всего одного помощника. Это был крепкий парень, недавно прибывший с Урала. Кроме большого роста и силы его, пожалуй, отличала какая-то чрезмерная простота и доверчивость. А так – исполнительный боец, грех жаловаться. Но даже такой крепкий боец не может тащить на себе двенадцать километров проволоки. Поэтому часть бесценного груза, предназначенная для левого фланга, осталась на заставе. Остальное было развезено по вышкам и разгружено там под охрану.

И вот сейчас за отделённым Каменевым, такой же мокрый, шлёпал по лужам, толкая впереди тачку, рядовой Вольдемар Несветов. В отличие от Каменева, которому, вообще, грех жаловаться, он – местный и должен привыкнуть уже, Несветов переносил «тяготы и лишения» совершенно спокойно. И хотя уже хлюпал носом то ли от насморка, то ли просто вода из вдыхаемого воздуха конденсировалась там, шёл весьма бодро, наполненный каким-то решительным упрямством.

– Чёртов сифак, а не дождь, – проворчал, остановившись у высокого дерева, Каменев.

– А почему сифак? – поинтересовался Вольдемар, подкатив тачку, и тут же укрылся от дождя под деревом, ни от чего не защищающим.

– Потому что льёт, как из сифилитика. Всё и везде капает, как... а, ну тебя, молодой ещё!

– Ничего я не молодой и, собственно, знаю, кто такие сифилитики. Правда, никогда не видел.

– Вот и я говорю – молодой ещё. – Разговаривая с бойцом, Каменев быстро нашёл воткнутую вчера вечером палку, как знак, где у них закончился провод. – Готовь проволоку.

– А вы много их видели-то? – сказал равнодушным тоном Несветов, доставая моток полевого кабеля из тачки.

– Больше, чем ты девок щупал. – Разговор вели, не прерывая работы. За три дня уже сложилась такая манера их действий. Пока находились на земле, молодой боец старательно изводил вопросами, а старый опытный воин, как истинный ментор, поучал его. Правда, темы всё были практические, так сказать. И как – то за три дня впервые коснулись одной из трёх любимых тем разговоров в армии. А, именно, о женщинах и обо всём, что с ними связано.

– Так уж и больше! Я на танцах отбоя от девок не знал! Вы что, до армии фельдшером при вендиспансере были? – спросил с подначиванием Вольдемар.

– Вот ещё. Мы просто в гражданскую с сеструхой выжили только потому, что прибились к офицерскому борделю. Вот и посмотрелся на всё.

– Какому борделю? – опешил Несветов.

– К такому. Бордель он и есть бордель. Публичный дом, дом терпимости и так далее, по списку.

– Так это когда было, что-то я не понял, – спросил боец, зачищая концы мотка полевика, который он только что притащил.

– Естественно, в гражданскую. При наших тут публичных домов не было.

– Это ж сколько вам лет – то было?

– Восемь, а сестре десять, – ответил Каменев, протянув зачищенные концы кабеля. – Связывай концы, я пошёл когти обувать. Режим прежний: до обеда я по верхам, после обеда – ты.

– Так, это, а что же вы в таком возрасте с сестрой-то в борделе делали? – У Несветова, кажется, происходил какой-то разлом в голове. Дети и публичный дом у него никак не вязались.

– За мою моральную чистоту можешь не переживать, я там выполнял функции «принеси – подай», да печки в номерах топил. Там отопление было печное – одна «голандка» на два номера. Топка обычно выходила в один из номеров.

– А сестра?

Каменев прервался от обувания когтей, распрямился со злым выражением лица. Но, глянув в лицо этого простоватого парня, понял, что он ничего оскорбительного не имел ввиду. Он, действительно, не знал, что может такого плохого делать маленькая девочка в публичном доме.

– Прачкой она там работала. Господа офицеры перепьются, переблуются, нагадят за ночь, а Машка и ещё пара девок потом всё отстирывают и сушат, чтобы к вечеру всё снова блестело.

Закончив обувать когти, Каменев взял кабель и полез наверх. Разговор на личную тему сразу прекратился. Добравшись до верха, он подтянул кабель так, чтобы он протянулся от предыдущего дерева к этому, максимально высоко скрывшись в ветвях. Даже сейчас, в безлиственной тайге, провод не бросался бы в глаза, а летом, в буйной зелени, он, вообще, станет незаметным. Начав фиксировать провод петлёй на суку, крикнул вниз:

– Слышь, Вольдик! Это уссурийский орех, кажется. Пошарь там внизу, наверняка, найдётся прошлогодняя падалица не гнилая – он такой мелкий и морщинистый. Доберёмся до печки, просушим – вкусная штука.

Разгребая мокрую траву и прошлогоднюю листву, Несветов начал искать орехи. Минут через пять Каменев спустился:

– Так, пока лезу на следующее дерево, насобирай «прилично». Потом покажу, как их раскрывать. Колоть бесполезно, либо не расколешь – либо сразу в труху.

– Понятно, насобираю. Их тут много! А что сложного колоть – то их?

– Говорю же – скорлупа, как железо. Разбить можно, но проще положить на горячую сковородку. Они, когда на жару сохнут, сами слегка открываются, а там просто раскрывай ножом и выковыривай сердцевину.

Каменев взвалил моток кабеля на плечо и, не снимая когтей, пошёл к следующему наметенному дереву.

Пока он шёл к дереву и забирался на него, постоянно чертыхался на погоду, дождь, сырость. И «чтоб этому лейтенанту самому в такую погоду по деревьям полазить».

Когда Георгий слез вниз, туда уже подошёл Несветов.

– Слушай меня внимательно. Тут ручей. По земле если проведём, то первый же поток после тайфуна смочит наш провод к едрене фене. Так что надо задирать повыше. Вот дерево: я полезу как можно выше. А ты вместе со всем барахлом – на тот берег ручья – вон к тому высоченному дереву. Я потом туда приду.

– А как ручей-то перейти? Там воды по щиколотку будет!

– А то ты сейчас сухой весь! Мокрее не станешь – вброд переходи. Потом зараз всё и высушим.

Тяжело вздохнув, рядовой покати́л тачку к указанному дереву. Ру́сло ручья представляло широкую галечную полосу. Почти в центре её протекал мелкий и быстрый ручей. Человеку, не знакомому с местной природой, было бы и невдомёк, что если приходят настоящие дожди, принесённые тайфуном с Тихого океана, то этот ручей превращается в бурный поток, сносящий всё на своём пути. На заставе он слышал, что когда от дождей этот ручеёк превращается в бурную реку, нарядам приходится делать крюк в несколько километров, чтобы обойти его по мосту. И что вроде бы «этим летом тут натянут верёвочный мост». Но пока была «эта весна» – и моста ещё не было. И, скрепя сердце, он перешёл вброд этот ручеёк.

Так прошла первая часть дня. К обеду, изрядно уставшие, связисты закончили как раз у очередной вышки. Пополнили там запас провода и спросили у наряда находящегося там.

– Братцы, тут нет ли где крыши? Хоть чуть – чуть обсохнуть?

– Вон видишь тропинку? Там стоит бывший охотничий домик. Сруб с земляной крышей. Да ещё и с печкой, так что там спокойно обсохнете.

– Вот здорово! Мы тогда телегу у вас оставим – что с ней таскаться? – Спросил, уже пристраивая под вышкой тачку, Каменев.

– Да ставь хоть до ночи. Тут до темноты наряд стоит.

Избавившись от лишнего груза, захватив с собой сухпай и орехи, наши связисты пошли в указанном направлении, собирая по дороге все, что пригодно для топки печи.

Охотничья избушка оказалась совершенно компактным, метра три на три с половиной, срубом. Входная дверь была из стянутых вместе жердей, слегка обтёсанных в местах прилегания друг к другу, но всё равно оставалась весьма дырявой конструкцией. Напротив двери было окно, для такой конструкции совсем не маленькое, с метр в высоту и полметра в ширину. В проёме была сделанная из веток решётка, на каждую ячейку которой был натянут бычий пузырь. Пара проёмов зияло дырами. Крыша была из дёрна, накиданного поверх опять же жердей. Почти у входа была сложена печь из булыжников, схваченных глиной – всё, явно, взятое здесь же, недалеко. Конструкция печи отдалённо напоминала русскую печь без колосников и прочих металлических деталей. Даже топку закрывал щит, сплетённый из веток и обмазанный с одной стороны глиной. Труба была каменная, но не доходившая до крыши сантиметров тридцать. Там она кончалась прямо в помещении. А под коньком, рядом с ней, было отверстие для выхода дыма. Это был такой вариант курной избы. Состояние избушки говорило о том, что ей всё ещё периодически пользуются, во всяком случае, на земляном полу сора особого не было, крыша не протекала, дверь вполне закрывалась. И даже у печки нашлось небольшое количество сухих веток, заготовленных для топки.

Буквально через двадцать минут печь уже прогрелась, начав прогревать всё вокруг. Связисты расстелили на стенах рядом и прямо на ней всё своё обмундирование, включая плащ – палатки и ботинки, сидели полураздетые на примитивных скамейках, за не менее примитивным столом из расколотой пополам колоды с приделанными к ней ногами.

Обед они уже закончили. Достали из печки котелок с кипятком и заварили в нём веточки лимонника. В такую погоду крепкий отвар лимонника куда полезней обычного чая. Да и бодрит слегка, что тоже немаловажно.

Сразу после еды Несветов, наконец-то, смог задать вопрос, который его интересовал все полдня, но задать его ранее как – то было не к месту.

– Товарищ отделённый командир, а что, у вас с сестрой никого родных не было? Как так получилось, что вы, говорите, выжили, только прибившись к борделю?

Отхлебнув отвара лимонника, Каменев откинулся на стенку сруба и ответил:

– Ну, так бату призвали на фронт в семнадцатом, до фронта он, правда, не доехал. Так толком и не знаем, что с ним случилось. Революция началась – сгинул без вести. А мать да мы с Машей остались на хозяйстве. Хозяйство было у нас крепкое. Сейчас нас к кулакам бы, наверное, приписали. Как-никак весной и осенью на уборочную батраков нанимали. А осталь-

ное время года сами ворочали на себе всё. Даже конная косилка была. И грабли. Помню, отец говорил, они десяток рабочих рук заменяют.

– Ого.

– Да вот, понимаешь, началась революция, пришли сначала красные. Говорят, давайте хлеба и что можете. Помню, мать с ними торговалась аж до хрипа. Ей казалось, что ей дёшево платят. Но всё-таки отдала все, что просили, а деньги полученные в тряпицу замотала и в бане спрятала.

– А что, разве нельзя было отдать просто так? Без денег? На хорошее же дело!

– Вот видно сразу, что Маркса ты не читал. А меня, между прочим, сопливого пацана, по нему читать учили, поскольку у комиссара, к которому я попал, как белых и интервентов выгнали, это была единственная книга.

– Причём тут Маркс?

– А при том, что ни Ленин, ни Маркс товарно-денежные отношения не отменяли. Ленин только рассчитывал, что после победы революции удастся перейти к другой схеме. А пока «деньги – товар – деньги» – незыблемое правило. И, между прочим, комиссары это знали, ещё как! Труд крестьянина вполне уважался. Может, мама и была права, что платили мало – но платили!

– И что же дальше?

– Да ничего. Долго советская власть тут на дальнем востоке не продержалась. Начались то один переворот, то другой. А всем надо армию. Держать коней, людей кормить. Вот, буквально, в тот же год, и пришли белые. И тоже давай фуражироваться. Да только они как-то выборочно рассчитывались. С кем – деньгами, а кому – расписки дали. А мать возьми да и ляпни: «Красные хоть платили». Ну, офицерик её шашкой и полоснул. Дом и двор спалили – одна баня уцелела. В ней мать три дня пролежала, на четвёртый померла.

Сестра нашла свёрток с банкнотами Дальневосточного Совета Народных Комиссаров,

да и пошли мы с ней «по миру». Благо деньги эти народ брал вполне охотно. Да вот только дурили нас, как малолетних, или цены были и впрямь такие, что, пока к городу добрались, у нас деньги -то кончились. Ну, и стали искать, где подработать можно.

– А что это за банкноты такие?

– Ну, не могли тогда из Москвы совзнаков привезти, вот и печатали на месте. В то время тут такой зверинец был: и колчаковские, и японские, и даже американские.

– А что, интервенты тоже тут были?

– Вот какая невидаль. Да они везде были. Я в нашем заведении и японцев, и американцев видел. И даже британцы попадались. Япошки – самые сволочные были. Я их с детства не терплю.

– Это как?

– Да так. Наши – в том смысле, что русские, придут больше попить, да побуянить. Бывает, дня три пьют, а девки так, для антуража. Да ещё если вовремя ему там водки или табаку принесёшь, или шепнёшь на ухо, что нужная деваха освободилась, он тебе, глядишь, «на чай» отвалит. А эти всегда приходили за этим делом. И хоть не пили, а частенько девок били. И, вообще, вели себя по – скотски – мы для них были не люди. Я, вообще, при появлении япошек старался скрыться куда подальше. От них чаевые можно было получить только сапогом по роже. То не так поклонился, то не так поглядел. Да мадам наша их тоже не любила, принимала через силу. Говорила, платят мало, а требуют много.

– Вас послушать, так белые с японцами только по борделям шатались. С кем же тогда наши воевали?

– Так, ты учти, заведение наше в тылу стояло. Вот они и бузили, как хотели. Кроме того, что-то я не слышал о ратных подвигах самураев в гражданку-то. Они больше грабили и выво-

зили добро. А как наши прижали всю эту пададь, интервенты – то первые драпанули, что американцы, что японцы.

– Так вы, получается, с сестрой обслуживали всех этих мироедов?

– Ну, за такие слова можно и по кочану схлопотать, для начала. Кроме того, самое смешное оказалось потом. Когда красные партизаны вошли к нам, наша мадам вдруг оказалась среди них чуть ли не в первых рядах. Оказывается, она была на связи с партизанами. И под шумок нашего заведения передавала им деньги, оружие, ну и, конечно, информацию. Вот потому нас с сестрой и прибрали быстренько хорошие люди. Сначала мы попали под покровительство полкового комиссара, а потом нас пристроили к хорошим людям.

В этот момент разговор прервался, послышался шум. Через пару минут в избушку набилось человек шесть красноармейцев. Это были бойцы инженерно-сапёрных частей. Они занимались строительством наблюдательного пункта неподалёку. Оставив за порогом повозку с запряжённым конём, сами шумной ватагой забились в избушку. Несветов освободил печку от уже подсохших вещей, и её облепили мокрые шинели сапёров. Подкинули ещё дров. В избушке стало шумно, жарко и душно. К дыму, клубившемуся под потолком, добавился ещё и пар, поднимающийся от шинелей.

За стол, напротив Георгия, уселся тоже отделённый командир, представившийся Игнатом. Через пять минут шум стих. Пошли разговоры о жизни и вообще.

Очень быстро разговор скатился к ужасной погоде, к беспросветности бытия в такой слякоти и холоде. Все как-то приуныли. Продолжая общую грустную тему, отделённый инженеров заявил:

– Да и, вообще, тоска смертная, достало всё это.

И с этими словами достал из-за пазухи гранату образца тридцать третьего года, блеснувшей в полумраке ребристым оборонительным чехлом. Это такой металлический чехол, надеваемый на гранату, для усиления осколочного действия. Кто – то из сидящих рядом взволнованно сказал:

– Но! Но! Не шуткуй с этой штукой!

– Да, блин, говорю же, осточертело всё! А так «хлоп» – и никаких проблем. – Сказав это, он сдвинул предохранитель на гранате и оттянул ручку от корпуса. С этого момента, если отпустить руку – граната сработает и через три – четыре секунды взорвётся. Вокруг всё загрохотало, бойцы в панике бросились, как тараканы из щелей. Через секунду обстановка изменилась кардинально. Дверь была сорвана, рама окна выбита, поскольку кто-то сиганул туда прямо сквозь решётку. На полу, у опрокинутой скамейки, валялся и хохотал отделённый инженеров. Единственный, кто остался сидеть на месте, был Каменев. При панике он почти не пострадал, так как сидел у стены, прикрытый столом. Он встал со скамьи с перекошенным от злости лицом.

– Дурак ты, отделённый, и шутки у тебя дурацкие!

– Зато весело, а то сидят все кислые! – продолжая хохотать, поднялся сапёр.

– Дать бы тебе по кочану твоему бестолковому как следует! Да руки пачкать жаль!

Сказав это, Георгий нагнулся, поднял с пола гранату, вернул её в исходное положение. Ещё когда шутник доставал её, он разглядел на ней надпись «учебная» и спокойно наблюдал за развитием событий.

– Отдай.

– А вот хрен тебе. Дошutiшься, что кто-нибудь покалечится. Сказав это, Каменев записал гранату в карман.

– Отдай, говорю! – сапёр приблизился вплотную к пограничнику.

– Не устраивает, можешь рапорт на меня подать. А будешь трепыхаться, у меня с собой карабин и вполне боевые патроны. – Договорив, он повернулся спиной к сапёру, подошёл к дверному проёму, высунулся и крикнул:

– Эй, дуболомы! Назад все!

Повернувшись к шутнику, продолжил:

– Вот как хочешь, окно и дверь – на место! Не то шутить не буду, узнаешь, что бывает за порчу имущества погранвойск НКВД.

– Да, ладно, что ты взбеленился – то! – уже спокойнее произнёс сапёр, – у меня там телега всякого хлама, сделаем в лучшем виде.

Ещё через час все разошлись. Дверь была возвращена на место и висела теперь не на верёвочных петлях, а на проволоке. А на окне даже появилось стекло, точнее, странная косая рама из веток со вставленными крупными осколками битого стекла. Там, где стекла не хватило, было забито фанеркой.

И снова слякоть, мелкая водяная пыль в воздухе, опадающая моросью вниз. И снова два связиста, пока ещё не промокнув совсем, выбирая, где посуше, идут дальше тянуть линию.

Впереди шёл Несветов, бодро толкая перед собой тачку. Инцидент с гранатой растянул обед больше расчётного времени – и теперь надо было торопиться до темна доделать назначенный на этот день план работ. Позади, что-то ворча про «дураков, которых не сеют и не сажают», шёл отделённый Каменев. И без того нерадостное настроение у него упало ещё ниже. В раздражении он даже иногда пинал неудачно лежащие на пути ветки.

Добравшись до очередного дерева, облачившись в когти, полез наверх Несветов. Теперь его очередь быть наверху была.

– Эй! Несветов! Подтяни выше! Видишь, как провисло! Никакого провода не хватит, будешь так тянуть, – крикнул, следя снизу за работой, Каменев.

– Товарищ отделённый командир!

– Ну, что тебе?

– Там кто-то идёт, – сказал, протянув руку в сторону сопки, возвышающейся в тылу.

– И что? Дозор, наверное.

– Нет, у них форма другая.

– Что? Быстро слазь!

Несветов спустился насколько мог быстро.

– Запомнил, где они шли? Найти сможешь?

– Да, конечно.

– Тогда карабин с собой, остальное всё тут бросаем. И бегом туда – надо найти их. – Говоря всё это, Каменев уже сам освободился от лишней поклажи и взял карабин обеими руками.

– Так далеко же, они, наверное, уйдут за это время.

– На месте разберёмся. Всё, бегом!

Связисты побежали. Мокрые ветки хлестали по лицу и рукам. Ноги периодически скользили, но бойцы упорно продвигались в намеченном направлении, пока Несветов не остановился.

– Вот, кажется, тут.

Они стояли на довольно большой поляне. В этом месте вообще не было особо густого леса, потому и удалось разглядеть мелькнувшие фигуры.

– Давай пройдемся туда – сюда. Может, что найдём.

Сказав это, Георгий первым начал осматривать местность. И вскоре он нашёл, что искал.

– Давай сюда!

Когда Несветов подошёл к нему, тот скинул с себя плащ – палатку и накрыл какие-то следы, чтобы их не размыло.

– Слушай меня внимательно. Это японцы, вроде как двое, один офицер. Я их сапоги на всю жизнь запомнил. Бегом – к последней вышке, где мы в обед тачку оставляли. Сообщи наряду, пусть вызывают подмогу. Я, пока след более-менее свежий и не размывтый, пойду за ними.

- Промокнете без плащ-палатки-то.
- А то я сухой сейчас! Всё, бегом – к вышке!

Связисты разделились. Вольдемар побежал к вышке. Георгий же пошёл в направлении следов.

Японцы шли низами, не поднимаясь на сопки. В чём – то это было хорошо, их путь пролегал по мокрым и раскисшим местам, даже если бы они шли аккуратно, всё равно следов наоставляли бы. Но шли они не очень аккуратно, периодически оставляя чёткие следы. Каменев давно уже служил в отряде и на этой заставе он уже бывал. Идя по следу, он пытался сообразить, куда двигаются нарушители. След вёл вдоль границы. Они явно не спешили или, вообще, не собирались углубляться в тыл, так же следы от форменных сапог говорили, что они не планировали «сливаться с местными». Да и с кем японцу тут сливаться? Корейцев из приграничной территории выселили. Любой «косоглазый», наоборот, вызовет подозрение. Что-то этим японцам надо было прямо тут, в тылу заставы. И вот тут у Каменева возникла идея.

Следы вели в сторону сопки «Лысая», прозванной так за негустую растительность на её склонах, точнее, почти полное её отсутствие. Но, главное её свойство – это господствующая высота в этой местности. С неё хорошо был виден весь фланг заставы, и тыл проглядывался хорошо. Да и следы – офицер плюс рядовой. Исполнитель и помощник. По всей видимости, японцы шли на рекогносцировку местности. Сейчас, под прикрытием сифака и неизбежного тумана, они выйдут к сопке. Замаскируются там. Им надо высидеть – то дня три. Обязательно будет похолодание. Весна ещё не началась как следует. И они получают шикарный обзор наших тылов.

Взвесив все «за» и «против», Каменев решился. Он побежал не по следу, а через сопку, налево. Читателю, возможно, покажется странным такое решение. Даже если он прав, японцы идут явно по ровному месту, а он собрался их обгонять через гору. Как-то не логично. На самом деле сопки на Дальнем Востоке – не совсем горы. Они не так высоки и круты, в основном, лесисты и вполне проходимы. Тренированный человек вполне может передвигаться сейчас, когда нет обильной зелени, довольно быстро. Нарушителям же, наоборот, надо продираться через густую, а местами – весьма густую растительность, сплетённую лианами – не такими, как в джунглях, но всё же. И местами сквозь высокий сухостой прошлогодней травы. В этих местах, в низинах и на берегах ручьёв, заросли эхинацеи вполне могут скрыть человека. Так что скорость движения японцев была не так высока, кроме того, чисто по километражу, их путь длиннее.

Отделённый, как опытный человек, на границу вышел в шинели, довольно коротко подрезанной, чтобы не мешала лазить по деревьям. Но всё равно он ещё подвернул полы за ремень и с максимальной скоростью, на какую был способен, пошёл наперерез.

Примерно через час, запыхавшийся и разопревший, так что от него поднимался пар, он вышел на нужное ему место. Ложбинка, по которой шли нарушители, тут резко сжималась между двух сопки, после чего выходила на склон сопки «Лысая» – они точно не могли пройти мимо.

Тем временем Несветов уже добрался до вышки. Но линия связи, которую они тянули, шла от фланга к заставе и ещё не работала. Передать подробную информацию не было способа. Наряд на вышке состоял из двух пограничников. Старший дал сигнал двумя ракетами, зелёной и белой, он означал прорыв границы. После чего им оставалось лишь ждать прибытия тревожной группы. Не менее чем через сорок минут появилась тревожка верхом на конях. Узнав суть дела, лейтенант, возглавлявший её, выругался: – «Где их по этой слякоти искать теперь?». Несветов повёл тревожку к сохранённому следу. Прибыв на место, стало ясно, что верхом преследовать нарушителей не удастся. Спешившись, оставили одного коноводом вместе с Несветовым. Остальные, спустив собаку, пошли по следу, насколько это было возможно. В такой ситуации собака была почти бесполезна. След больше часа омывался дождём. Но, бла-

годаря регулярно обнаруживаемым следам и массе заломанных прошедшим по более свежему следу Каменевым веток, тревожка уверенно шла до места, где Георгий решил пойти наперерез нарушителям. Для тревожной группы же это неожиданно стало проблемой. В этом месте явного открытого грунта почти не было, поэтому следов от японцев не было видно. Собака, покрутившись, так ничего и не взяла. Надо было срочно понять, что случилось. Почему прекратились отметки из веток.

Лейтенант был весьма молодой и малоопытный в подобных делах. Да и пограничники с ним были сплошь из призывников. Дельного совета никто дать не мог. Так и не догадавшись, в чём дело, и почему прекратились отметки из веток, он смог принять только одно решение – двигаться дальше вдоль ложбинки, благо скоро стали попадаться следы, что тут перед ними кто-то продирался сквозь заросли.

Но вернёмся к Каменеву. Как мы уже знаем, он смог обогнать нарушителей. Но вот как организовать засаду? Он решил, что надо выбрать место, где они точно пройдут, и встретить их из укрытия, может, даже сразу выстрелом.

Маленько покружив, нашёл удачное место. Со стороны, откуда должны были появиться японцы, его прикрывал ствол дерева, у подножия которого рос мелкий кустарник, хоть и лишённый листвы, а всё – укрытие. А, самое главное, под этим деревом не было лужи. Улегшись на сырую землю и изготовив карабин, Георгий стал ждать гостей.

Довольно-таки быстро жар от пробежки по пересечённой местности улетучился. Отделённого стало пробирать от холода и сырости. Вскоре он уже начал сомневаться в верности своей идеи. Либо он ошибся, и японцы пошли не тут. Либо, что тоже возможно, он их сильно обогнал. Он не мог знать, что на тот момент он уже совершил одну ошибку. На поляне он увидел только два следа и решил, что их всего двое. На самом деле их было трое. Просто именно на этой поляне третий не отметился. Дальше же, по ходу преследования, Георгий ни разу не задерживался подробно изучить след и так и не узнал, что это офицер и два солдата. Кроме того, он никак не мог знать, что по дороге они задержатся.

Бедность государства вынуждала пограничников идти на разные хитрости. В двадцатые годы, закрывая границу, частенько делали на пути наиболее вероятного следования нарушителей старые добрые завалы из деревьев, устраивали плетни и частоколы. А иногда рыли банальные волчьи ямы. За десяток лет, минувших с того момента, многие из подобных преград пришли в негодность. Так случилось и здесь.

Один из рядовых провалился в яму. Но за время, прошедшее с момента её изготовления, деревянные колья на дне сильно изгнили, и он отделался испугом, разодранными штанами и лёгким вывихом. Но всё равно это происшествие изрядно задержало их.

Каменев собрался встать и пойти навстречу, искать, куда же они подевались. Лежать больше он не мог. От холода начали трястись руки, и его всего колотило. Если они даже покажутся, сейчас он не сможет ни выстрелить, ни задержать их.

В конце концов, он тихонечко поднялся, растёр ладони, порастирал щеки, чтобы согреться. Взял карабин наперевес и выдвинулся навстречу.

Двигался он максимально аккуратно, старательно прислушиваясь. Промокший насквозь сам, он не очень уже следил за тем, чтобы не наступать в лужи. За счёт того, что он начал движение, он, конечно, разогрелся слегка, но всё ещё не отошёл от лежания на сырой земле. Периодически его потряхивало от холода. Видимо, из-за этого он, несмотря на все предосторожности, не услышал заранее приближение японцев.

Встреча была неожиданной. Выйдя из зарослей какой-то сухой травы в рост человека, он наткнулся на японского солдата. Тот был в разодранных штанах, с поцарапанным лицом и, вообще, имел весьма потрёпанный вид. Японец уже потянулся к ремню винтовки на плече, но Каменев сориентировался первым. Он в один прыжок сократил расстояние до солдата и совместил этот прыжок с ударом приклада по голове японца. Сложившись вместе, усилие прыжка

и удара дало потрясающий результат. Нарушитель, сбрыкав навешанной на него амуницией, упал на спину и замер без движения, явно получив серьёзный нокаут.

Подняв взгляд от неподвижного японца Каменев увидел... Ещё двоих! Рядовой уже держал в руках винтовку и взводил её, офицер же направил на него пистолет.

В последний момент Каменев упал на землю. Выстрел пистолета прозвучал с опозданием, и офицер промазал. Георгий шёл с взведённым карабином, поэтому выстрелил сразу же. Но позиция была не удобная, и стрелял он впопыхах, чуть ли не в прыжке, так что попасть в кого-то можно было только случайно. Выстрел был, скорее, для испуга. Сразу после него Каменев откатился на пару метров в сторону. Японцы залегли и открыли ответный огонь. Все лежали на открытом месте. Расстояние было небольшим. Чисто по статистике два ствола против одного – шансы у связиста были слабоваты.

Но он нашёл в себе силы, в отличие от японского солдата, не палить в белый свет, как в копеечку, а тщательно прицеливаться перед выстрелом, несмотря на пули, впивающиеся в землю рядом. Это дало результат. Вскоре винтовка японца замолчала, а сам он начал, крича, кататься по земле. Вдруг что-то полетело в сторону пограничника. Георгий инстинктивно вжался в землю. Совсем рядом раздался взрыв гранаты. Его не зацепило осколками, но сильно оглушило.

Начав соображать, что произошло, он схватил карабин и попытался встать. Но тут же упал, поскользнувшись на сырости. Вокруг была тишина. Он не оглох. Да, в ушах звенело, но он ясно слышал, как японец побежал в лес. Собравшись с силами, он встал.

На поле боя лежали два японских солдата. Первый, которого он приложил прикладом, так и не пришёл ещё в себя. Второй, которого он зацепил, лежал неподвижно чуть поодаль. Подойдя к нему, Георгий увидел причину неподвижности. В его затылке была дыра от пули. Офицер застрелил его, прежде чем броситься бежать. Раненый для него – обуза. Японец, видимо, не сообразил от неожиданности, что им противостоит одиночный пограничник. Решил, что попал в засаду. И, добив раненого, бросился бежать.

Каменев вернулся к первому японцу. Тот оказался жив, но всё ещё без сознания. И, видимо, у него была сломана челюсть. Повернув его на бок, отделённый связал руки ему за спиной его же ремнём, а ноги ремнём от его винтовки.

Направление, куда побежал японец, Каменев определил быстро. Но вот бежать по лесу точно по следу вооружённого человека, не видя его, весьма опасное занятие. Стоит тому, взяв себя в руки, укрыться за первым же деревом, и преследователь станет прекрасной мишенью.

Собравшись с мыслями, Каменев понял, как действовать. Скинув шинель, взяв опять наперевес карабин, он побежал чуть левее направления, по которому побежал японец.

Прямо у него на пути будет открытое место без леса, сплошные крупные валуны. К тому времени он успокоится и вряд ли сунется бежать по открытому месту. Значит, возьмёт левее, в сторону леса. Тем более это направление как раз к границе. Главное, оказаться там раньше его.

В ушах всё ещё звенело. Но то, что он вообще мог бежать, успокаивало – контузии нет. Так, слегка оглушило. Бег давался с трудом, сказывалась уже усталость. Но бежать надо и чем быстрее, тем лучше. И помогала ему в этом какая-то внутренняя злость и, казалось, не знакомое ему ранее, чувство мести. Вид японцев пробудил в нём залёгшую в душу с детства ненависть к японцам. Кажется, именно сейчас, дерясь с ними, он возвращал им все, что пришлось натерпеться в детстве от них. Он не стал пугать молодого бойца подробностями виденных им в детстве сцен. И то, как его, мальчишку, таскали однажды на допрос в контрразведку, где много били. А за спиной избивающих стоял японский офицер и брезгливо морщился.

Тогда что-то у кого-то из японцев пропало, пока он был с девочками. Георгия спасло то, что пока его и ещё двух девиц мордовали, пропажа нашлась.

Он потом неделю не мог работать. Отлёживался после допроса. Одну из двух девушек, что допрашивали вместе с ним, он так больше и не видел. После допроса она «пришла в негод-

ность», и мадам её «списала». Тогда его удивило, что сам он не был выброшен на улицу. Лишь много позже узнав, что «мадам» – красная разведчица, всё понял.

И вот теперь всё, что ему пришлось натерпеться от интервентов, белых и просто всякой сволочи, что много всплывает на полях гражданских войн, всё это собралось в какой-то ступок энергии. И он, несмотря на усталость, с маниакальным упорством бежал вперёд, думая лишь о том, что этому гаду нельзя дать уйти.

И вот они – валуны. Прислонившись к одному из них, Каменев укрылся от взоров и, тяжело дыша, начал проверять своё снаряжение. И вот тут выяснилось, что в карабине нет патронов. Проверить это перед тем, как бежать за японцем, он не сообразил в суматохе. Ремень он, конечно, взял с собой и сейчас, подтянув, надел его. Но он же был связист, а не пограничник в дозоре! У него не было с собой запаса патронов. Карабин-то был взят как необходимость не столько от людей, сколько от животных, в тайге можно встретить и медведя, если что, а то и тигра. А за людьми должны, по идее, бегать пограничники с заставы.

Похлопав по карманам, Георгий определил свой арсенал. Карабин без патронов, нож связиста (на лезвии есть выемка для зачистки провода) и та самая злополучная учебная граната, оружие, скорее, психологическое. Первой мыслью было – кинуть под ноги японцу этот муляж и, пока он в замешательстве, скрутить его. Но мужик – то был хоть и не высокого роста, но весьма крепкий на вид. Если не удастся его обезвредить с первого удара, он доставит хлопот. В итоге отделённый закинул гранату обратно в карман, взял в руки карабин, всё-таки он тоже имеет психологический эффект, после чего присел между двух валунов – в таком виде его заметят, только когда пройдут мимо. Ну, а там по обстановке. Если противник будет рядом, то можно сначала стукнуть прикладом, а потом уже крутить. А будет далеко – придётся брать «на испуг».

На это раз долго ждать не пришлось. Не успел Каменев как следует отдышаться, как услышал шаги. Японец бежал шумно, не очень-то скрываясь. Видимо, думал, что главное в его спасении – это скорость. Когда шаги приблизились, отделённый напрягся, изготовившись, к прыжку.

Нарушитель оказался совсем рядом, метра три, не больше. В резком прыжке Георгий приблизился к нему и нанёс удар прикладом. Но на этот раз эффектного удара в голову не вышло. Офицер в последний момент прикрылся правой рукой, в которой был пистолет. Георгию удалось нанести ещё один удар, на этот раз прицельно, в ту же руку. Результат был удачный – пистолет выпал из руки японца. Но следующий удар японец опять парировал. Да ещё вдобавок нанёс ответный ногой, не очень точный, но всё же стало ясно – назревал рукопашный бой. Каменев, не снижая темпа атаки, нанёс ещё два удара, но последний – колющий удар стволом, оказался столь не удачным, что японцу удалось выбить из его рук карабин. Мгновенного затишья хватило японцу, чтобы выхватить нож с длинным лезвием и встать в боевую стойку. Ни секунды не теряя, Каменев выхватил гранату, замахнулся с воплем:

– Ана тано си! – что то вроде «смерть тебе!».

Японец невозмутимо встал прямо, гордо вскинув голову. То ли он не верил, что русский бросит гранату, то ли хотел принять смерть как положено. Но произошло что-то неожиданное для него.

Русский со всего маху ударил гранатой его по голове. Нарушитель пошатнулся, но второй удар, более точный, добил его – он упал на колени, а потом запрокинулся назад. Каменев с каким-то остервенением пнул его ногой, то ли убедиться, что он без сознания, то ли не мог ещё остановиться. Офицер не издал ни звука и не пошевелился. Каменев сначала поднял пистолет японца, потом подобрал свой карабин и лишь после этого решил убедиться, жив ли нарушитель. Тот дышал, но дыхание было неровным и прерывистым. Кажется, это был не нокаут, а конкретное сотрясение мозга, что подтверждала мелкая судорожная дрожь в ногах японца. Пока отделённый его связывал, японец открыл глаза. Но сделать ничего не мог –

только несвязно бормотал. Видимо, вернулось только сознание, а владение телом – ещё нет. Так бывает при сотрясении. Через некоторое время японец начал шевелить руками и ногами. Каменев помог ему подняться. Тот попытался что-то не то спросить, не то сказать. Но познания в японском языке у связиста были весьма отрывочны и, сказав ему громко:

– Шизокани! (Тихо!) – добавил, – Ику(иди), – и подтолкнул его в нужном направлении.

Обратный путь оказался весьма хлопотным. Японец регулярно падал. Раз он даже потерял сознание и его вырвало. В конце концов, Георгию пришлось практически тащить его под локоть. Вымотавшись в конце, они добрались до места первой стычки. Связанный солдат уже очнулся. Увидев офицера с окровавленной головой, еле продвигающего ноги, он что-то замычал. Но говорить у него не получалось – челюсть не слушалась. Усадив обоих на расстоянии, дабы им не пришлось в голову помочь друг-другу освободиться, Каменев собрал всё оружие и, подняв японскую винтовку, произвёл три выстрела в воздух, в надежде, что где-то совсем рядом должна быть тревожка. После чего надел обратно свою шинель и уселся под дерево. Тащить на себе двух японцев по такой слякоти он уже не мог.

Практически сразу раздался лай, и к ним подбежала пограничная собака. Пёс, явно, искал повода вцепиться в двух японцев. Но те сидели смирно. Вслед за собакой появилась и вся тревожка. Они, оказывается, успели уйти дальше, пройдя мимо этого места. Всепоглощающая сырость сделала бесполезной нюх собаки, и она не смогла точно указать путь, когда ложбинка раздвоилась. Ну, а по всем законам невезенья, на развилке тревожная группа повернула не туда. Пока сообразили, что следы прекратились совсем, пока вернулись и пошли в нужном направлении... В общем – то, если бы не упорность связиста, сильно замешанная на личной ненависти к японцам вообще и к их военным особенно, эта троица вполне могла и пройти к намеченному месту не обнаруженной.

На дворе стоял смутный и напряжённый тридцать седьмой год. За период с тридцать шестого по тридцать восьмой годы японцы организовали более двух сотен провокаций на советско-японской границе. Многие заканчивались не просто перестрелками, а реальными боями. Пока всё это не вылилось в бои у озера Хасан, на безымянной высоте, в июле тридцать восьмого. В самих боях Каменев не участвовал, после беготни мокрым по лесу он схватил воспаление лёгких. Но, к счастью, выжил. После лечения врачи рекомендовали ему более сухой климат. И о боях на Безымянной он узнал из газет в поезде, который вёз его в среднюю Азию.

Несветов закончив службу, вернулся домой. И до сорок первого года часто любил рассказывать, как гоняли они самураев на Амуре. А после сорок первого пришло время других историй. Но это уже за пределами темы нашего рассказа.

Шумовой заслон

Капитан-пограничник Стариков Юрий Викторович после окончания вполне заслуженного отпуска, который он провёл с семьёй на родине, направлялся к новому месту службы.

Судьба, в виде приказа руководства, перебрасывала его с одного конца нашей великой Родины – приморского края, на другой конец – западную границу. После событий на озере Хасан его направили в разведотдел погранотряда на границе с Польшей, повысив в звании и должности, тем самым отметив его заслуги в организации закордонной разведдеятельности, на которую в последнее время стало обращать внимание руководство погранвойск. По дороге он часто вспоминал собеседование в Москве, где его хвалили за блестяще разработанную операцию, позволившую взять японских агентов. И не то, чтобы намекнули, а открытым текстом сказали, что не везде ещё работа налажена так же хорошо, и надо бы её поднять до должного уровня на новом месте. Такая постановка задачи его сильно беспокоила. Закордонная разведка – дело, опирающееся на «местные силы», чтобы эти силы выявить и завязать контакты, нужны знания местности, нравов и языка. И, если в случае с приморьем, у него были кое-какие познания, как-никак сам местный, то в случае с Польшей... – ни обычаев, ни языка, ни, вообще, с чего начать, он не знал.

Час назад он, с новыми петлицами и небольшим фанерным чемоданом, оставив семью, «пока не обоснуется на новом месте», у мамы, въехал на территорию отряда. Каких-то пару минут назад кадровик отряда, положив трубку телефона, сказал ему: «Ну, товарищ капитан, начальник отряда сказал, что вы – «очень кстати, и вас ждут у него в кабинете». Заодно познакомьтесь с непосредственным руководителем – начальником разведывательного отделения, майором Климчуком – он тоже у него.

И вот, наконец, наш новоиспечённый капитан вошёл в кабинет начальника отряда. Сразу стало ясно – он попал не просто на представление начальству, а на какое-то совещание.

– Товарищ полковник! Капитан Стариков для прохождения дальнейшей службы прибыл! – выпалил он приветствие.

– Проходите, товарищ капитан, у нас как раз тут спор идёт, и свежий взгляд, я думаю, не повредит. – С этими словами полковник указал рукой на карту на стене за его столом. У неё, кроме него, стояли ещё два офицера: майор – видимо, и есть его непосредственный начальник, Климчук, и ещё один капитан.

Начальнику отряда было сильно «за сорок», если не «за пятьдесят». Орден Боевого Красного Знамени и шрам на лице говорили о его былом прошлом. Майор на вид был явный «интеллигент», ещё бы очки – велосипед, и образ был бы полный. Он и говорил как-то тихо и сдержано. Капитан, стоявший третьим у карты, вообще был больше похож на моряка – стоял, широко расставив ноги, говорил громко, короткими фразами. Видно было, что он нисколько не переживает, что вокруг него находятся старшие офицеры, и, если надо, будет отстаивать свою точку зрения. Как старший во всех смыслах, полковник представил присутствующих. Майор, действительно, оказался начальником разведывательного отделения, а вот капитан – начальником заставы, расположенной на бывшей панской усадьбе. Раньше эта усадьба была весьма богата, но в польскую компанию сильно разрушена. Теперь практически по ней пролегла граница с Польшей. И городок, в который раньше возили свою продукцию с усадьбы, оказался за границей. Этот городок был просто постоянной головной болью погранотряда. Близость к границе превратила его в центр контрабанды, где вращалось множество весьма сомнительных личностей. И, если с нашей стороны, через выселение за пределы погранзоны с высылкой «куда подальше» всех неблагонадёжных более-менее порядок был наведён, то с той стороны к нам постоянно заходили «гости», и не всегда у них с собой были только контрабандные товары. Вот и сейчас полковник попросил начальника заставы повторить для вновь прибывшего вводные данные:

– Итак. Мой информатор сегодня, в 4 часа утра, вышел к наряду на условленном для экстренной связи месте и потребовал срочно вызвать меня. По моему прибытию он сообщил, что совершенно случайно оказался в курсе, что некая группа из не менее чем пятнадцати человек планирует в ближайшие день – два переход через границу. Сам он их не видел, только подслу-

шал часть разговора их представителя с человеком, который будет у них проводником. Этого проводника он знает хорошо – тот работает на дефензиву, с простой контрабандой обычно не связывается. Значит, эти люди либо от дефензивы (польская разведка и контрразведка), либо от второго отдела генштаба (военная разведка). К сожалению, ни точной даты, кроме как «в ближайшее время», ни точного количества установить информатору не удалось. Из косвенных данных он предположил, что переход будет этой, максимум, следующей ночью, переходить будут от полутора до двух десятков человек. Они пойдут налегке, но с оружием, поскольку встреча с пограничниками для них крайне нежелательна. – Закончив, капитан опять встал, слегка расставив ноги и заложив руки за спину.

– Видите ли, капитан, – заговорил тут же начальник разведотделения, – наши источники ни о чём таком не предупреждали. В последнее время, кроме мелких групп контрабандистов и нескольких одиночных перебежчиков со стороны панской Польши, мы никого не задерживали. Мало того, у нас процент прорывов, после которых нарушитель не был задержан, упал почти до нуля. И я, как и все специалисты нашего с вами отдела, сомневаюсь, что в таких условиях дефензива, или ещё кто, будет готовить такую многочисленную операцию. – Закончив, майор достал платок из кармана и вытер руки. Видимо, он жутко волновался.

Старикову совершенно отчётливо нарисовалась картина событий. Нечто подобное он уже проходил в Приморье.

– Разрешите, товарищ полковник? – обратился он к начальнику отряда.

– Конечно. Возможно, ваше мнение, как свежего человека, и будет решающим, – ответил он. При этом он нахмурился и достал из кармана портсигар, но не раскрыл его, а просто оставил вертеть в руках. Видимо, и его мучал вопрос о точности информации.

– На мой взгляд, затишье сейчас говорит, скорее, о том, что сопредельная сторона готовит крупную операцию, чем о возросшей нашей эффективности, так как перед важной операцией либо затихает граница, чтобы расслабить пограничников, либо, наоборот, активизируется масса мелких нарушителей и событий на закордонье вблизи границы с целью расплыть внимание. Думаю, тут явно первый вариант.

– Ну, что ж, ваша логика в чём-то совпадает с мнением капитана Никлюдова, – проговорил полковник.

– Ну, тогда нам необходимо срочно поднимать отряд по тревоге вместе с комендатурами и перекрывать тыл по всей линии охраняемой границы. Точное направление прорыва границы неизвестно. Даже точное время не известно – значит, придётся закрывать максимально часто, насколько мы способны. – Начальник отряда наконец-то раскрыл портсигар и достал папиросу.

– Разрешите, товарищ полковник?

– Говорите уж, капитан, сразу.

– Товарищ полковник, я считаю, что так действовать нельзя ни в коем случае. – Стариков начал загибать для убедительности пальцы. – Для начала: ни один отряд не сможет перекрыть наглухо свой участок, то есть риск прорыва всё равно остаётся. Потом, я думаю, нам желательно взять их всех, или почти, всех живём, а не в виде отбивных, нашпигованных пулями. Ну, и самое важное, следует учесть – такие операции обеспечиваются по полной. То есть, наверняка, задействована агентура на нашей стороне. Никого ни хочу обидеть и прослыть ловцом шпионов, но, раз затеяна такая операция, то, возможно, у наших противников есть полноценные информаторы, если не в погранвойсках, то опосредованно.

– Расшифруйте ваше это – опосредованно? – встрепенувшись, спросил майор. Начальник отряда, продолжая вертеть теперь уже папиросу, кивнул головой, – да уж, поясните, пожалуйста.

– Информация о наших действиях и планах противнику может уходить не только от прямого предателя или агента в наших рядах. Даже не обязательно присутствие излишней болтливости. Вокруг нас живут люди. Скрываясь среди них, опытный и наблюдательный агент может

узнать многое. Даже если мы будем аккуратно выходить на позиции, нас сразу раскроют. Уверен – у них есть способ экстренной связи если не по радио, то по эстафете или сигналами. Значит, стоит нам развернуть столь широкую деятельность, как противник будет извещён и перенесёт дату операции. Ну, а в следующий раз такая ценная информация к нам может не попасть, и они пройдут.

Начальник отряда даже слегка побагровел:

– Вы что же, предлагаете просто сидеть и ждать? Исходя из вашей логики, они как раз готовы пройти мимо наших постов тихо и незаметно.

– Никак нет. Я предлагаю организовать операцию минимальными силами. Перекрыть границу можно так же плотно, не привлекая никого. Я думаю, мы обойдёмся силами маневренной группы. Ну, может, ещё сколько-то человек привлечём из комендатур и застав «втёмную».

– Это как же? – начальник отряда, наконец-то, положил папиросу в рот, но, услышав такое, опять достал её назад. – Как можно «втёмную» использовать заставы и комендатуры?

– Смотрите. Давайте исходить из некоторых допущений и предположений, – Стариков подошёл к карте. – Раз они с проводником встретились тут, – он ткнул пальцем в город на карте, – а время операции не больше двух суток, то, наиболее вероятно, что прорыв будет где-то поблизости. Я предполагаю, что полосу, которая нас интересует, можно ограничить участками застав номер три и четыре. У пятой – участок слишком открыт и близко к комендатуре и, что немаловажно, там, в тылу, стоит ещё и воинская часть со своими патрулями и прочими помехами. Крупной группе там сложно пройти. Вторая же застава слишком удалена для узких рамок времени. Вот нам уже не надо закрывать весь фронт. – Капитан посмотрел на офицеров и, после лёгкой паузы, – вот тут и приходит время использования «втёмную». Нам надо, чтобы в некоторых участках совершенно по другим причинам, никак не связанным с нарушителями, оказались заметные группы пограничников и некая суматоха. Я предлагаю объявить внезапные учения, выслать в места, которые мы сейчас определим, резервные заставы комендатур. Пусть они там разобьют палатки, роют окопы или займутся любой другой деятельностью, главное, чтобы шумно, заметно. И множество солдат, бегающих в округе. – Стариков перевёл дух.

– Таким образом, эта группа, даже если её путь шёл именно мимо этих мест, отклонится от маршрута и пойдёт другим путём. Выезд на учения нужен сейчас же, чтобы к вечеру они уже перекрыли нам все направления. Я думаю, есть смысл поставить их тут, тут и вот здесь. – При этом он указывал рукой на карту.

– Хорошо. Кажется, ваш замысел мне становится понятным, – заговорил начальник отряда. – Но, исходя из указанных вами мест, остаётся ещё широкое окно для прохода не то что двух десятков, а двух рот.

– Вот именно. Дальше уже нам надо будет строить систему несколько хитрее. Мы, таким образом, оформили вход в воронку. Саму воронку, которая приведёт нарушителей в ловушку, мы оформим более скрытно. Если и там так явно будут шуметь – они могут опять просто развернуться. Нам надо устроить ложные засады, у нас их ещё называли шумовыми заслонами.

– Это ещё что за зверь такой? И как засада может быть ложной? – нарушая субординацию, заговорил начальник заставы. – Как заслон может быть шумовым? Его задача быть тихим!

– Смотрите: наши гости идут ночью и скрытно. Они либо отпугнуты нашей комендатурой и завернули на новое направление, либо прошли тихо сквозь охранение границы. Но, в любом случае, впереди идёт разведка. И вдруг она слышит в ночной тишине: то ветка хрустнет, то кашлянет кто-то, то тихонько что-то скажут, а то и оружие брякнет. Они решат, что где-то на их пути стоит засада, по их или нет душу, им всё равно, главное, они свернут. – Тут Стариков, уже не особо скрывая гордость за то, что смог – таки в первый же день похвастать неожиданным приёмом, продолжил: – Самое главное, такую засаду можно имитировать! То есть, посылаем двух-трёх пограничников и они, скрытно меняя места и «выдавая своё присутствие» в разных точках, изобразят, что прячутся не два человека, а целый взвод. Такие ложные

засады мы расположим вот в этих направлениях. И тогда нашим гостям ничего не останется, как идти вот по этой ложбинке. Насколько могу судить, она поросла кустарником и камышом?

– Точно. И ещё там сейчас луж полно. Весной она как озерко небольшое, – подал голос начальник заставы. Его уже захватил этот план. И он тут же указал рукой за ложбинку: – Вот тут большая поляна. Обойти её не смогут. Если расположить вокруг человек сорок с пулемётами, да ещё с десятков вот тут, в засаде, чтобы отрезать отход им, мы их окружим так плотно, что им придётся или сдаться, или погибнуть!

– Не совсем так! – Стариков, почувствовав азарт Никлюдова, разгорячённо продолжил: – В это время уже будет светать. Они же рассчитывали к рассвету выйти в тыл, а мы путь им удлинили. И поэтому, если включить в эту группу снайперов, есть возможность, в случае оказания сопротивления, хотя бы несколько человек целенаправленно ранить и взять в плен живыми. – Капитан Стариков отошёл от карты.

– Товарищ полковник, считаю, на организацию четырёх ложных засад нам потребуется не более десяти – двенадцати человек. Главное, направить туда опытных и толковых пограничников, знающих службу и чётко понимающих, что от них требуется. Это – самая важная часть операции. Ошибка этих людей может привести к тому, что банда пойдёт сквозь них и вырвется «на оперативный простор», как говорят наши коллеги из РККА.

– План красивый, конечно, – заговорил майор Климчук, – но если вы так уверены в районе действий, не проще ли будет поднять в ружьё заставы, комендатуру, маневренную группу отряда и перекрыть плотно этот район, разместив обычные заслоны силами застав и комендатуры. А мангруппу на верховых держать в оперативном резерве под боком. Банда входит в контакт с заслоном – они дают сигнал, и подкрепление быстро прибывает на место.

– Никак нет, товарищ майор. Во – первых, я уже говорил – такое массовое движение с целью именно перекрыть границу – не скроешь. Даже если их не успеют оповестить, столкнувшись лоб в лоб с заслоном, они, наверняка, не будут вступать в бой, а развернутся. Сил заслона вряд ли хватит на их задержание. А к приходу мангруппы они могут оторваться от преследующего заслона и уйти обратно. А что ещё хуже – в этом случае неизбежны жертвы с нашей стороны. При моём плане мангруппа выходит на некие «учения» в тыл и только с наступлением темноты передислоцируется к месту засады. Обстановка будет совершенно ясна и доступна для разведки врага. Если эта разведка и сообщит о передвижениях, ничего страшного – наша цель просто скорректирует маршрут. Это даже нам на руку, так как наши гости сразу пойдут в нужном нам направлении.

– Ну, тогда можно пойти ещё одним путём. – Майор явно не хотел, чтобы план этого выскочки был принят сразу и на «ура». По всей видимости, он уже почувствовал в нём угрозу. – Мы разворачиваем силами застав и комендатуры широкую сеть секретов. Их задача – пропустить сквозь себя банду и сообщить нам, где именно они прошли. И тогда маневренная группа встретит их.

– К сожалению, товарищ майор, этот вариант ещё более не приемлем. – С этими словами капитана майор просто побелел, но всё-таки сдержался, дослушал до конца, увидев, с каким вниманием слушает доводы капитана полковник.

– Ответьте мне на вопрос: сколько у нас в отряде мобильных и компактных радиостанций, которые может взять с собой секрет?

– Ни одной, – ответил за майора полковник.

– Следовательно, пограничнику в секрете, когда мимо него пройдёт группа нарушителей, необходимо дожидаться, когда они удалятся на километр или около того, иначе он не сможет скрытно передвигаться. И потом скрытно и тихо доставить сообщение. Где в это время будут нарушители? Кого и где будет брать мангруппа?

– Так. Мне всё ясно. Я прекращаю дебаты. Вариант капитана Старикова мне нравится. Времени у нас нет. Надо срочно отправлять комендатуру, чтобы их резервная застава после

обеда уже начала шуметь и светить в установленных местах. Всех прошу остаться пока здесь. Перерыв пять минут. – С этими словами полковник подошёл к столу, бросив на него так и не прикуренную папиросу, взял трубку телефона:

– Начальника штаба – ко мне. Срочно. Свяжитесь с комендатурой в Витлинках, пусть будут на связи у телефона. По секрету скажите, что будет учебная тревога, пусть, пока их не вызовут, начинают собираться. По заставам Витлинской комендатуры сообщить, что ввиду учений комендатуры в ближайшие двое суток формировать усиленные тревожные группы. Минимизировать движение по границе, максимум пограничников включить в число тревожной группы. Приказы оформите позже. Сейчас всех оповестить.

Ещё минут сорок ушло на утряску всех нюансов плана – начальник штаба сразу оценил замысел капитана и, обладая более точными знаниями местности, внёс некоторые незначительные коррективы. По завершении начальник отряда отдал приказ комендатуре, куда выдвигаться. В отряде была так же объявлена учебная тревога для маневренной группы. Начальник мангруппы вошёл с докладом в кабинет начальника отряда.

– Товарищ полковник, маневренная группа для проведения учений построена. Начальник маневренной группы старший лейтенант Мякишев!

– Садитесь, Мякишев, – начальник отряда посадил за большой стол лейтенанта, где уже у груды карт сидели начальник штаба подполковник Симохин, капитан Стариков и майор Климчук.

– Учений не будет. Будет боевая задача. Но о том, что она боевая, до двадцати ноль-ноль никто в вашем подразделении, кроме Вас и лиц, которых мы сейчас определим, знать не должен.

– Товарищ капитан, доведите до старшего лейтенанта замысел операции.

Стариков, в который раз за последний час, проговорил что, как и почему, что от кого требуется. Закончил он словами:

– От вас, товарищ старший лейтенант, прямо сейчас необходимо определить, кто из ваших бойцов немедленно будет отправлен для организации ложных засад.

– У меня найдётся четыре – пять человек, не больше. Тут, я думаю, лучше привлечь заставских – они лучше знают местность.

– Не скромничайте. Для ваших бойцов заслон – один из самых частых видов наряда. В кои – то веки им предстоит сидеть в нём не совсем тихо. Я бы даже сказал, совсем не тихо, что только облегчит задачу, – попытался подбодрить его Стариков.

– В том – то и дело, что заставить сидеть тихо – сложно. Но шуметь вдвоём, так, как будто вас десять, не каждый может. Разрешите вызвать отделённого командира Петрова? Он опытный боец, служит тут третий год, кроме того, сибиряк – охотник. Я думаю, что он точно справится, может, он назовёт кого-то, кто ещё точно сможет. Тут ведь от этих бойцов зависит вся операция.

– Вызывайте – разрешил начальник отряда.

Старший лейтенант подошёл к окну, распахнул его, высунулся по пояс в окно – оказывается группа стояла на плацу прямо под окнами: – Отделённый командир Петров!

В ответ прозвучало на плацу: – Я!

– В кабинет начальника отряда! Бегом!

Через пару минут в дверь постучали, и вошёл высокий широкоплечий боец. В качестве форса к обычному ремню через плечо, на манер офицерской португепи, у отделённого был пропущен ремешок от нагана. Хоть и нарушение устава, но на подобные шалости у хороших бойцов, особенно сверхсрочной службы, начальство смотрело сквозь пальцы.

– Отделённый командир Петров по вашему приказанию прибыл!

– Товарищ полковник, разрешите, я введу в курс? – подал голос капитан.

– Разрешаю.

– Садись. – Стариков хлопнул ладонью по стулу, стоящему рядом, и быстро изложил ту часть задачи, которая ложилась на плечи ложных засад. Старший лейтенант, кажется, с какой-то мольбой взглянул на Петрова.

– Слушай, Василий Алексеевич, я знаю – ты сможешь. Но надо человек восемь собрать, чтобы тоже смогли. Кто?

– Зачем восемь? Я тут вижу два фланга этого вашего загона. Как воронка в фитиле для карася. Так вот на правый фланг этого фитиля, действительно, надо не меньше двух ложных заслонов. Итого четыре человека. А вот левый фланг я вдвоём с одним бойцом беру на себя. Тут большое количество холмиков и ложбинок – есть где скрытно передвигаться. Ночка будет, конечно, та ещё, набегаемся вдвоём-то, зато ещё людей освободим. Себе в помощь прошу рядового Порошина, он хоть и молодой, но башковитый. Из него толк будет. А на другой фланг старшими Сухинина и Мелкумяна, в подчинение им, думаю, Карпова и Горидзе, только Горидзе с Мелкумяном вместе нельзя, обязательно сорвут операцию, а порознь они – дельные ребята.

– Ты уверен, что закроешь участок почти в шесть километров? – спросил начальник отряда, подняв вверх брови, так что шрам растянулся на всё лицо.

– Так, товарищ полковник. Вы учтите ночную слышимость! Если правильно и в нужном месте чихнуть, на два километра будет слышно. Потом, главное, тихонько перейти. Ну, и я в нужных местах оставлю свежие следы присутствия людей. Сам я не курящий, но прихватчу с собой окурки и, подогрев их спичкой, брошу как свежие, где надо. Где-то бумажку оставлю или тряпицу белую, чтобы в темноте видно было, где-то свежую ветку сломаю. Человек знающий сразу поймёт – тут кто-то только что был, или ещё есть. А их проводник должно быть знающим в таких вот делах.

– Не боишься, что он будет слишком знающим и раскроет тебя? – спросил полковник, явно покорённый обаянием Петрова.

– Никак нет, товарищ полковник. Будьте покойны, я-то оставлю ему всё, как надо. Мне бы только снарядиться чуток, мусора нужного пособирать, сапогов или ботинок разных размеров штук пяток. Я с вечера наслежу. И мне бы ещё, вместе с Порошиным, по плащ-палатке офицерской и по маскхалату «амёбе». Мы то там, то тут в разных обличиях появимся, глядишь, решат, что целый полк прячется. – Закончив свою речь, Петров, улыбнулся от уха до уха. – Будьте покойны, товарищ полковник. Развернём куда надо.

Секунду помявшись, он продолжил:

– Только у меня ещё просьба есть. Мне недавно «А-Вэ-ЭС тридцать шестую» выдали (автоматическая винтовка) – значит, как наиболее опытному и подготовленному, а вот у Порошина – трёхлинейка. Разрешите на всякий случай его ручником вооружить?

– Где ж я тебе возьму лишний ручной пулемёт? Нам они на месте будут позарез нужны, – возразил начальник мангруппы.

– А вы, товарищ старший лейтенант, обратитесь к товарищу полковнику. Пусть он разрешит со склада выдать мне Льюис, один из тех, что сдали после прибытия на замену им ДП? Ну, и дисков штук пять к нему.

– А не много – пять? – вмешался начальник штаба.

– Никак нет. Не много. Вы ведь возьмите в расчёт: если что не так – нам же пропустить – то их нельзя, а вот с ручником и с моей винтовочкой мы их будем держать хоть до следующего вечера.

– Не боитесь с такой старой машиной на бой-то? – задал вопрос уже начальник отряда, – они же ещё дореволюционные?

– Да нет, машинка неплохая, я быстренько осмотрю те, что есть, выберу менее изношенный. Да, и будем надеяться, что нам он не потребуется.

Немного ещё поспорив, согласились с предложением Петрова, и тот бегом понёсся с письменным требованием от начальника отряда на склад, за пулемётом и прочим хозяйством.

Тем временем манёвренная группа, хотя в отряде её всегда называли через «е» – «маневренная», направилась в глубокий тыл под видом внеплановых учений и с шумом и песнями прокатилась на имеющихся в её распоряжении целых двух грузовиках по городу изначально в направлении другого фланга. Только отъехав от города, сменила направление и, дав крик, двинулась в уже в нужном. Сами же Петров с Порошиным, упаковав всё хозяйство в тюки и, взвалив их на лошадь, так же верхом направилась напрямик в нужном направлении, не особо заботясь о сокрытии направления, считая, что для окружающих два пограничника, да ещё с вьючными тюками, идут или на работы какие-то, или просто доставляют груз. Тем более пулемёт был замотан в вещи, и на виду была только винтовка Петрова.

После обеда были уже на месте. Петров начал с того, что развёл лошадей и спрятал их в разных ложбинках, примотав их так, чтобы они были друг от друга в пределах слышимости. Таким образом, он надеялся, что кони будут «шуметь» не только фыркая или жуя траву и периодически позвякивая сбруей, но и изредка «поддерживать связь друг с другом» ржанием. А это – демаскировка на многие километры ночью. Остаток дня прошёл в хлопотах. Надо было распределить точки, где они будут базироваться, их должно быть на такой участок не менее двух десятков, определить скрытые и открытые маршруты движения, добиться от Порошина

понимания, когда надо будет передвигаться скрытно, когда открыто, разложить по этим точкам имущество, привезённое с собой, для устройства показухи. В нужных местах, определённых Петровым, они оставили следы, используя сапоги и ботинки разных размеров, прихваченные с собой. Точно определив высоту и расположение, сломали, наверное, десятка два различных веток и прутьев. Последним этапом было оставление вещественных следов.

Петров вместе с Порошиным, пока нисколько не скрываясь, шли через горбушку холмика, которыми изобиловала эта местность.

– Товарищ отделённый командир! А почему мы ходим по верху у всех на виду сейчас? Противник не раскроет наши действия?

– Вот переживалкин. Не переживай, исходя из вводной, наши нарушители выйдут не раньше, чем ночью. С сопредельной стороны нас не видно. Гражданских тут тоже не много. Здесь выпаса'. На дворе сентябрь, даже если кто и появится, им не будет никакого дела до нас. Наши схроны с вещами в глаза не бросаются. Если какой колхозник тут и проедет, увидит он двух пограничников, чем-то занятых. Даже если именно он окажется сотрудником польской разведки – ему мы будем не интересны. Вот если бы мы явно тянули линию связи – он нас бы отметил. А так ходят, бродят два человека. А по горбушке идём, потому что здесь земля суше, следов почти не оставляем. Трава не то что к утру, уже ночью распрямится, и странной паутины одинаковых следов не будет. Будут только те, что нам надо. И вот пора один такой оставить.

С этими словами Петров спустился в ложбинку между холмиками, достал из кармана тряпицу, в которую было завёрнуто несколько окурков, взял один из них, зажёл спичку и аккуратно стал греть окурков со стороны нагара. Когда он прогрелся, Петров встал вдоль ложбинки, так как будто идёт по ней, и кинул окурков под ноги, после чего наступил на него. Сделав ещё несколько шагов в выбранном направлении, резко шагнул в сторону, вверх, и вернулся к Порошину.

– Запомнил, как надо?

– Да, а зачем их греть?

– Вот ведь, ещё пограничник называется. Пройдёт тут разведчик наших гостей, увидит в темноте окурков. Наклонится к нему, а он даже не пахнет. Ну, ясно – куривший человек был давно. А если возьмёт его в руки, а запах табачной гари свежий, грязь от наступившего на него сапога свежая – сразу станет ясно, что не давеча, а только что кто-то тут хаживал. А это заставит его задуматься – «кто»? Будет внимательнее смотреть, слушать. А тут мы: то стукнем, то брякнем, то кони заржут – всё ясно, людей много. А если он в ночи ещё услышит вдалеке что-то типа «стой», «вольно» или стук железа о железо, а ещё лучше – как затвор чакнет – всё, значит, тут войска, ну, и повернёт отседова. И посоветует своим идти в обход.

– Ясно.

– Ну, а раз ясно, то вот тебе шесть окурков и мне семь. Выбирай низкие места – ночью они будут жаться к низинам. И там, таким макаром, намусори между точками пятнадцать, двенадцать, восемь и пару окурков между седьмой и девятой. Потом верхами встречаемся у точки номер пять. – Пограничники разошлись.

Боец Порошин Виталий был человеком хоть и «башковитым», как его охарактеризовал Петров, но абсолютно городским. И хотя в целом боевая и политическая подготовка у него была на отлично, следовое дело давалось ему с трудом. Он, не привыкший видеть следы на мягком грунте или траве, никак не мог запомнить всю премудрость этого дела. Вот сейчас, например, они выискивали места с мягким грунтом и ставили там следы взятой с собой обувью. И отделённый даже пару раз его обругал, когда он, например, решив, что вручённые ему старые ботинки на него не налезут, надел их на руки и чуть не начал ставить следы. Получил затрепину. Оказывается, так можно поставить один след, максимум. И надо ставить правильно, а то опытный следовик заподозрит подвох, так как отпечаток и сам лёг не так, и с другими связан не верно. А когда Виталий – таки нацепил на себя эти малые ботинки, выяснилось, что его шаг слишком широкий для такого размера, и надо ставить ноги ближе. Когда он закончил цепочку

следов, по его следам тут же прошёл Петров, потом обежал по траве босиком в начало участка и, надев офицерские сапоги, прошёл ещё раз – Порошина поразило то, что он явно менял походку каждый раз, чтобы, как потом объяснил отделённый – рисунок следов был разный.

Может, поэтому ему потребовалось гораздо больше времени на завершение задачи. Когда он пришёл к месту сбора, то застал совершенно неожиданную сцену. Расположившись на восточном склоне холмика, отделённый вырыл, видимо, ножом небольшую по ширине, но длинную ямку-щель глубиной сантиметров тридцать, развёл в ней огонь из сухих веточек и разместил над ней котелок с водой.

– Так, молодёжь, замечай технологию. Сейчас сделано как надо. Веточки сухие, ямка глубокая, дыма почти нет, огня не видно. На огне просто вода – она ничем не пахнет. Если бы мы сидели в настоящем секрете, то концентрат пришлось бы не варить, как положено, а просто запарить кипятком, закрыв котелок крышкой. А то запах еды ночью может распространяться очень далеко. А ещё лучше просто заварить чай и попить с сухарями, что мы с тобой и сделаем.

– Не очень-то на чае с сухарями протянешь. Да и сухпай нам дали приличный по объёму, – возразил Виталий.

– Ага, опять переживаешь раньше времени, – укорил его отделённый. – Для начала сейчас нам пахнуть на всю округу некогда. А вот часика в два ночи и нам будет пора подкрепиться, чтобы не уснуть, и противник наш с тобой, если пойдёт прямо, к тому времени будет на подходе.

– А до двух ночи мы что – голодом? – не унимался боец.

– Вот ещё. Сейчас чаёк. И не просто, а с сухарём и сахаром. Потом по очереди по полчаса вздремнём. Ночь-то нас ждёт бессонная. Потом уже пожуём колбаски полукопчёной с хлебом, запьём водичкой. И начнём театр разыгрывать.

– А что – без горячего совсем?

– Сказал же – к двум часам. Я выклянчил на ПФС (продовольственно фуражная служба), нам тушёнки дали, Мелкумян, между прочим, солонину получил, – сказав это, он заговорщицки подмигнул. – А Сухинин селёдкой мясной паёк забрал. Мы с тобой ночью вот так же котелочек поставим. Только у точки номер три. Ветер с той стороны. И как следует поедим. К трём-четырёх утра у нас намечается пик работы. Некогда будет есть. Ну, и если всё хорошо, к девяти часам уже без маскировок поедим. Всё соберём и покатаем назад.

– Так сказали же – на два дня идём?

– Я же говорю – если всё будет хорошо. А нет, придётся весь день и всю следующую ночь в игрушки играть с дефензивой.

В этот момент вода закипела. Петров бросил в котелок щепотку заварки, снял его с огня и одним движением ноги зарыл ямку, так что ни дымочка не поднялось. Был костерок – и нету. А потом, утрамбовав место костра кулаком, положил сверху аккуратно, одним куском, срезанный дёрн. И всё, даже зная, что и где искать, не каждый найдёт. Разве собака только. Порошина удивило, они только что несколько часов мусорили и ставили следы, а тут такая аккуратность.

Тем временем отделённый достал сухари – обычные засушенные куски хлеба, посыпал сахаром, аккуратно смочил сахар чаем – теперь он не будет рассыпаться, и сухарь легче грызть. Да и теше – хрустеть не будет. Разлил чай по кружкам. И, удобно усевшись на шинели, начал пить чай. Виталий последовал его примеру. Когда с чаем было покончено, Петров дал команду первым отдыхать Порошину. Тот расположился на своей шинели, накрылся сверху шинелью Петрова и, кажется, уснул до того, как улёгся. Проснулся он от тихого тычка в плечо.

– Хорош спать – царствие небесное проспишь!

Петров дождался, когда боец протрёт глаза и проснётся полностью.

– Ну что, очухался? Задача – залечь вон там, – он показал место, где был расстелен маскхалат, – и наблюдать за лесочком и лугом. Если что подозрительное, будишь меня. Часов нет,

поэтому отмеряй время по тени, – с этими словами он воткнул в земли штык от АВС. – Как тень ручки упадёт сюда, будишь меня. –И тут же завернулся в шинель и уснул.

Виталий расположился на указанном месте и начал «нести службу». Дело было наискучнейшее. Лес был красив. Середина сентября уже придала ему красок. От леса, расположенного с запада, начиналось большое поле, где из-за неудобства профиля земли, в основном, пасли скот и косили сено. Пахать площадь, покрытую множеством хоть и не высоких, но всё-таки бугорков, холмиков, где каждая ложбинка весной превращалась в болотце, было неудобно. Они сейчас расположились на одной из трёх господствующих высоток, с каждой из них было хорошо видно поле, слева упиравшееся в дорогу, за которой шла пашня, недавно убранная. Идти этим путём нарушителям было не с руки. Более ровная местность делала их заметными, а пашня, хоть и не вспаханная под озимь, оставляла хорошие следы. Справа же раскинулось озерко, на другой стороне которого стояла группа строений – хутор. Туда, учитывая зачистку, проведённую органами, тоже соваться незачем, люди, живущие там, для нарушителя опасны. Солнце клонилось к горизонту, и тени удлинились на глазах. Виталий даже подумал, что тень может исчезнуть до того, как дойдёт до отметки. Но каково же было его удивление, когда тень от рукоятки не просто накрыла отметку, а точно совпала своим кончиком с отметкой. Он тихонечко позвал:

- Товарищ отделённый командир.
- Что, пора? – откликнулся Петров.
- Да, пора уже.

Петров поднялся и сказал:

– Ну, всё, за работу. Амёбу пакуй в мешок пока. До утра она нам не нужна. Накидывай шинель и – пошли. Ты – левый фланг, я – правый. Сегодня ясная ночь, так что не высываться, если будешь бегать туда – сюда на виду, могут понять, что шумит один человек. Так что передвижения только низинками. Бегать надо аккуратно. И что ещё – старайся там, где земля влажная, обходить эти участки. Натопчешь тропинок с одинаковыми следами. А если нам придётся и при свете завтра театр устраивать, твои следы нас выдадут. Пока ещё не похолодало, по ночному можешь и босиком пошастать. Смотри на небо. Как Большая Медведица встанет вот под таким углом (он показал рукой, каким именно), двигайся к точке номер три. Ну, всё, пора за дело.

И началось. Порошин решил для начала, действительно, побегать босиком. Трава кололась, но он скоро привык. Тем более дел было свыше всяких норм. Перебравшись скрытно от одной точки до другой, он, отдышавшись, тихонечко, вполголоса, прокашливался в кулак. И снова переход. На новом месте он «случайно» цеплял куст, и тот «предательски» шумел не в такт общей природы. Пробегая мимо лошадей, хлопал их по холке, трепал гриву, пока те не издавали какой-нибудь звук. Точно помня наставление Петрова, он каждый шестой раз, проходя мимо лошади, переводил её на новое место, заранее указанное Петровым. Таким путём примерно раз в час – полтора звучали шаги двигающейся лошади. Где – то на четвёртом круге ноги стали замерзать. Пришлось обуться. С одной стороны, стало теплее, с другой, сапог – не пятка, он не так беззвучно касается земли – двигаться пришлось аккуратнее. Зловредная Большая Медведица никак не хотела вставать в заданную позицию. Придя на очередную точку, он вдруг понял, что устал, так как не уставал ни на каких занятиях и тренировках. Решив, что отдых не навредит, он присел, и тут же глаза его закрылись. В последний момент мозг успел дать сигнал тревоги – Виталий подскочил. Успел ли он уснуть? Сколько он был в отключке? Для себя он решил, что с этого момента не будет даже садиться, чтобы не уснуть. Пнул ногой кочку. На этот раз и такой шум сойдёт. И пошёл к следующей точке. Эта карусель превратилась в некую монотонную рутину, притупляющую внимание и чувства.

В очередной раз, подняв глаза к небу, он вдруг осознал, что Большая Медведица находится примерно под нужным углом. Не очень помня, какой именно угол ему показал отделённый, он решил, что пора, и пошёл к месту randevu.

Подходя к назначенному месту, он не увидел ни следов Петрова, ни его самого. Кажется, ещё рано. Что теперь? Ждать? Развернуться и прийти позже? Сзади что-то звякнуло совсем тихо. Виталий обернулся. За его спиной стоял Петров, в руках у него была охапка веток.

– О, почти не опоздал. Неплохо. Сейчас ситуация такая. Яма под костёр вырыта уже, без неё нельзя, отблески костра слишком большая демаскировка – пограничник её не допустит. А вот лёгкий дымок от костерка и аромат тушёнки – это допустимый демаск, если речь о неопытном бойце – тебе, например.

Бери котелок и дуй за водой, между второй и третьей точкой, в низине, есть хорошая лужа. Сам он сел и начал нарезать ножом ветки на более короткие отрезки. Когда Порошин вернулся с водой, котелок был установлен над ямкой, в которой уже горел огонёк.

– А зачем я ходил. У нас же есть во флягах вода?

– Пошуметь лишний раз. Да и воду из фляги – пить захотелось – отпил. Она под рукой всегда. Носимый запас воды беречь надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.